

— Брат У, умоляю, не говори отцу! Если он узнает, что я прибежал сюда, то придет в ярость. Я просто хотел заработать немного серебра. Младший брат скоро пойдет в частную школу. Я уже всё разузнал: только за обучение в год просят два ляна золота, а ведь еще нужны книги, кисти, тушь и бумага — это тоже недешево. По моим подсчетам, в год уходит не меньше тридцати лянов серебра, а то и больше.

Линь Амо объяснял это, старательно загибая пальцы.

— Наш урожай с полей в лучший год приносит от силы десять с лишним лянов. Отец целыми днями на подработках, а помещики и прорабы вечно его притесняют, пользуются тем, что он человек мягкий, а нога болит, и платят только половину. Бабушка говорит, надо откладывать серебро на свадьбу третьего дяди, а на брата ей плевать — мол, в деревне всё равно почти никто не учится... Но мой брат такой умный! Старый учитель из школы видел его и сказал, что у него настоящий талант к наукам. Даже подарил ему Троесловие для обучения. Брат освоил его всего за месяц! Какая светлая голова! Если он будет учиться, то обязательно добьется успеха.

Хотя Линь Амо был неграмотным, он обладал проницательным умом и дальновидностью.

Он был маленьким гэрмом, его социальный статус ограничен: как ни крути, его судьба — жить с мужчиной. Но с братом всё иначе: брат — мужчина, да к тому же умный. В иерархии ученых, земледельцев, ремесленников и торговцев образование — прямой путь к блестящему будущему. Он обязан сделать всё, чтобы брат учился.

— Ты ведь умеешь делать нитяную эпиляцию лица. Мог бы предлагать услуги женам и дочерям богатых помещиков — они платят куда больше, чем здесь. А если здесь тебя кто-нибудь увидит, что будешь делать?

У Цинъюань смотрел на юношу, который так усердно считал на пальцах, и какая-то струна в его душе тихо дрогнула.

Он недооценил этого мальчишку. На первый взгляд простой, нескладный, чудаковатый и худощавый, он обладал невероятно стойкой силой духа.

Линь Амо не знал, о чем тот думает, и, услышав вопрос, тяжело вздохнул:

— Конечно, я это знаю. У богатых господ и щедрость иная. Пожилая женщина, которая меня учила, раньше работала у знатных дам — получала фиксированное жалование в несколько лянов, а если госпожа довольна, то и награды были щедрые. Но кто виноват, что я уродлив? Стоит им увидеть мое лицо, как они пугаются. Я даже порог их домов переступить не могу, они мне просто не доверяют...

Только девушки и гэры из цветочных домов соглашались, чтобы я их обслуживал. Я знаю, что позорно, если односельчане узнают, где я бываю, но я больше ничего не умею. Все сторонятся

меня...

В том, что он некрасив, его вины нет, но из-за внешности он постоянно сталкивался с дискриминацией. Какой бы жизнерадостной ни была его натура, он не святой — обычный деревенский гэ, знающий и радости, и печали.

— Я и так несчастный, а вы, брат У, еще хотите настучать отцу? Совести у вас нет!

Чем больше говорил Амо, тем обиднее ему становилось. К концу речи глаза его покраснели. Он поднял голову и уставился на У Цинъюаня с нескрываемым упреком.

— Пф! — У Цинъюань, который уже успел проникнуться глубоким сочувствием, не выдержал и расхохотался.

— Вы еще смеетесь...

Линь Амо снова надул щеки, а его взгляд стал еще более обиженным. Он только что рассказал, как ему тяжело, а брат У еще смеется!

— Прости, я не нарочно. Не волнуйся, я ничего не скажу твоему отцу.

У Цинъюань, стараясь сдержать улыбку, принялся его успокаивать. Хотя слова были искренними, его вид выдавал явное нежелание воспринимать всё всерьез.

Линь Амо уставился на него, надувшись еще сильнее.

Этот вид заставил У Цинъюаня снова рассмеяться, несмотря на попытки взять себя в руки. Он смеялся довольно долго, пока юноша не собрался уходить, и только тогда перестал. Он поспешно схватил его за руку, чтобы утешить:

— Не сердись, я не над тобой смеюсь. Обещаю, буду хранить твою тайну. Но впредь не приходи сюда. Сегодня тебя нашел я, а завтра может кто угодно. Если слухи дойдут до деревни, ты не сможешь оправдаться.

— Но мне нужно зарабатывать серебро на учебу брата... — Линь Амо был в отчаянии.

— Деньги можно заработать и иначе. Люди злы, и даже если мы тебе верим, деревня может не понять. А насчет лица — я ведь говорил, что могу помочь? Через несколько дней приготовлю лекарство и начнем лечение.

Последнее время он был занят делами Чжоу-гэра и обустройством дома, поэтому обещанное

лечение всё время откладывалось.

— Правда? Мое лицо правда можно вылечить?

Линь Амо не мог в это поверить. Он уже почти забыл об этом обещании. Неужели родимое пятно, сопровождавшее его восемнадцать лет, можно убрать?

— Можно. Хотя, даже если не получится, я считаю, что ты и так довольно симпатичный. Не нужно себя ненавидеть...

У Цинъюань улыбнулся, и его глубокие темные глаза излучали уверенность.

Линь Амо почувствовал огромное облегчение, его глаза согнулись в дуги. Впервые, помимо отца, брата и Чжоу-гэра, кто-то сказал ему такое. Даже понимая, что это может быть просто утешением, он был невероятно счастлив.

Но следом пришла новая тревога:

— А... брат У, сколько же будет стоить лечение?

Линь Амо очень переживал. Если дорого, лучше не лечиться — он привык. Пусть лучше семейные деньги пойдут на учебу брата, лицо ведь хлеба не принесет.

— Денег не нужно. Травы мы сами соберем в горах.

— Правда? Ой, брат У, вы такой замечательный человек!

От радости Линь Амо начал запинаться. Не зная, как отблагодарить, он по привычке протянул руки, чтобы ухватиться за что-нибудь для уверенности, и едва не подпрыгнул от восторга.

Но так как нога была подвернута, он вскрикнул и повалился прямо на У Цинъюаня. Лицом он уткнулся ему в грудь, и от этой близости У Цинъюань на мгновение замер.

— Куда ты скачешь с такой ногой? Садись быстрее, я разотру, а потом пойдем в лавку тканей, А-Си нас там ждет...

У Цинъюань сжал руку, которой только что поддержал Амо, подавляя волнение, и опустил глаза.

Он усадил юношу на порог и, не слушая возражений, взял его за лодыжку. Используя свою внутреннюю энергию, он начал мягко массировать ногу прямо через ткань — движения были

интимными, но оставались в рамках приличий.

— М-м, спасибо, брат У.

Линь Амо послушно кивнул. Хотя ситуация казалась немного неловкой, он не стал возражать — вид у У Цинъюаня был вполне серьезный, а нога действительно сильно болела.

Однако от того, что его личную часть тела держал другой человек, его живое лицо, которое ничего не боялось, залилось краской. Он был смущен.

\*\*\*

Задняя дверь цветочного дома была укромной, но небезопасной. Чтобы не столкнуться со знакомыми, У Цинъюань быстро закончил лечение и увел Амо. Они вернулись в лавку, встретились с Чжоу-гэром, пообедали и неспешно отправились в деревню.

Однако, считая свои способности слишком невероятными, он не стал исцелять Амо полностью, а лишь восстановил связки и кости, оставив легкий дискомфорт — он не хотел, чтобы его считали чудовищем.

Они купили много вещей: ткани, масло, соль, соус и прочую утварь. Всё не унести, пришлось нанять бычью повозку.

Хотя деревня Люшу была недалеко, дорога туда и обратно занимала пару часов, поэтому было проще решить всё за один раз.

Когда они въехали в деревню, повозка привлекла внимание многих. Переезд — дело обычное, но товары, которые вез У Цинъюань, были явно качественными.

Глядя на добротную ткань и одежду У Цинъюаня и Чжоу-гэра — после того как тот покинул дом Чжоу, он больше не носил латаных вещей, — сельчане втихомолку цокали языками, завидуя удаче Чжоу-гэра.

Новый дом был готов, мебель расставлена, но нужно было подождать пару дней, пока он просохнет, так что им пришлось еще немного пожить у семьи Линь.

— Брат У вернулся! Ой, Амо, а ты чего с ним? Разве ты не пошел собирать фрукты?

Когда они вернулись, Линь Лаогэнь и второй сын как раз отдыхали во дворе после работы. Увидев Амо вместе с У Цинъюанем, он удивился.

Амо занервничал, но У Цинъюань прикрыл его:

— Дядюшка Линь, я встретил Амо по дороге, он случайно подвернул ногу...

— Что? Ногу подвернул? Как же ты неосторожен! А ну, покажи отцу.

Линь Лаогэнь очень остро отреагировал. Он сам когда-то, догоняя сбежавшую жену, подвернул ногу и, не вылечив вовремя, остался хромым. Слово «подвернул» было для него больным местом.

— Суцзюань, неси лекарственную настойку!

Второй сын Линь передал приказ жене, и госпожа Чэнь побежала в дом. Дети и бабушка Линь тоже собрались вокруг, окружив Амо.

Вторая невестка искренне переживала, а бабушка Линь пришла посмотреть, не серьезно ли это и не придется ли тратить на врача.

Линь Лаогэнь взял настойку и, несмотря на все объяснения Амо, что он в порядке, упрямо натер ему ногу. Его сын и так не красавец, если еще и захромает, кто его замуж возьмет? Ведь главное достоинство гэра — умение работать.

— Матушка, я сегодня видел, как у госпожи Лю забили свинью. Давайте купим свиную ножку для Амо?

Убедившись, что всё в порядке, Линь Лаогэнь всё же хотел подкормить сына.

— Что? Купить свиную ножку? Где у нас деньги? Почему бы тебе не купить мне два фунта мяса? Совсем мозги отшибло, носишься с этим гэрмом, как с писаной торбой!

Бабушка Линь терпеть не могла этого «уродливого гэра» из первой семьи. Свиные ножки стоили дорого, и она тут же почернела от злости.

— Матушка, вы же вчера продали корзину яиц, да и я давал вам серебро на днях, почему денег нет?

Линь Лаогэнь был недоволен тем, что мать постоянно попрекает его сына.

Госпожа Чэнь тихо добавила:

— Матушка, семья Лю честная, у них дешевле, чем в городе...

— Дешевле, дешевле! Кто тут хозяйка — я или ты? Расточители! Денег нет! Если старший хочет свиную ножку — покупай на свои! Нельзя тратить общие деньги! А ты, вторая, не лезь, я еще жива! Ни одного сына не родила, а всё о хорошей жизни мечтаешь!

Бабушка Линь свирепо сверкнула глазами. Она не любила ни старшую семью, которая не слушалась, ни вторую, где жена не могла родить сына. Она тряслась над деньгами, боясь, что сыновья не будут ее содержать в старости.

Линь Лаогэнь, обычно покорный, на этот раз разозлился. Раз дело касалось его ребенка, он не отступит.

— Хорошо, матушка, не покупайте, я сам куплю. С сегодняшнего вечера мы с Амо и Тяньбао будем готовить отдельно, я не буду есть общую еду! Тяньбао, иди к госпоже Лю, возьми две ножки, скажи, что деньги отдадим позже...

Он был упрям, как бык. Хотя он был почтительным сыном, но он ведь сдавал деньги в общий котел, так почему его сын не может поесть свинины?

Не обращая внимания на крики матери, он завел Амо, У Цинъюаня и Чжоу-гэра на кухню. Бабушка Линь, бросив вещи, начала причитать, но не решилась лезть к сыну, помня, как однажды он чуть не настоял на разделе семьи.

Прожив у них полмесяца, У Цинъюань понял расклад: Линь Лаогэнь был сыном первой жены деда Линя, поэтому бабушка Линь его не жаловала. Но он не был тряпкой и защищал своих детей. Вторая семья была в немилости из-за отсутствия внуков, а младший, Линь Цюаньгуй, был любимчиком, хоть и лодырем.

— Брат У, извини, опять пришлось видеть наши разборки... — смущенно сказал Линь Лаогэнь на кухне.

— Ничего, дядюшка Линь. Мы с А-Си и так вас стеснили. Я купил два фунта мяса, вечером сделаем пельмени. А-Си, помоги дядюшке нарезать начинку, а я разожгу огонь...

У Цинъюань не стал комментировать семейные дразги. Он положил мясо и муку на стол, Чжоу-гэр послушно засучил рукава.

— Что? Два фунта мяса? Брат У, ты слишком щедр, это же расточительство! На пельмени хватило бы и полфунта с капустой...

Линь Лаогэнь был поражен. В деревне мясо покупали по чуть-чуть, а этот парень всё время приносил что-то к столу, хотя и так платил за постой.

— Дядюшка, не стоит благодарности. Мы скоро переезжаем, это наш подарок вам. К тому же у

Амо нога болит, ему нужно подкрепиться. А ваши пельмени я до сих пор вспоминаю...

— Ну, раз так, хорошо. Но впредь не трать так деньги, а то я рассержусь! — улыбнулся Линь Лаогэнь. Он не ошибся в этом человеке.

\*\*\*

Пельмени лепить — дело нехитрое для деревенских жителей. Через полчаса на столе лежали пухлые, белые пельмени. Когда вода закипела, аромат наполнил кухню.

Все сглотнули слюнки. Тяньбао, принесший свиные ножки, чуть не подпрыгнул от радости.

Они уселись за каменным столом под деревом. Линь Лаогэнь, всё еще злясь на мать, пригласил только детей второй семьи.

— Брат У, через пару дней дом просохнет, я помогу выбрать хороший день для переезда, — сказал Линь Лаогэнь.

— Мы с Чжоу-гэром в этом не разбираемся, дядюшка, полагаемся на вас. Кстати, я хотел обсудить с вами одно дело.

У Цинъюань не верил в суеверия, но следовал обычаям.

— Говори, я весь во внимании.

У Цинъюань, не церемонясь, рассказал о своем желании построить печь для производства древесного угля.

Идея пришла ему, когда он слышал разговоры о топливе. Золота, привезенного из современного мира, ему хватило бы на всю жизнь, но сидеть сложа руки было не в его характере. Деньги лишними не бывают.

<http://bllate.org/book/20032/1977522>